

Анализ дискурса

УДК 32: 81`42

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

О некоторых разновидностях подтекста в современном политическом дискурсе

Ольга В. Александрова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ovaleksandrova@gmail.com*

Денис С. Мухортов

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия,
dennismoukhortov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена разновидностям прагмалингвистического явления «подтекст» в современном политическом дискурсе. Ее целью является обзор примеров, выявляющих злободневность исследования семантических, синтаксических и прагматических аспектов «лингвистики лжи», или, точнее, разграничения конвенциональных и коммуникативных импликатур. Обсуждаемые типы условно соотносятся либо с процессами эвфемизации речи и «раздувания» смыслов, либо со скрытыми манипулятивными стратегиями, основывающимися на использовании жаргона и канцелярита. В большинстве анализируемых случаев первого кластера наблюдается изобилие слов с позитивной коннотацией, но с не эксплицитно выраженной предметной семантикой, что зачастую способствует отвлечению аудитории от реальных прагматических интересов говорящего. Второй кластер примеров указывает на ставшую повсеместно актуальной проблему неграмотной устной и письменной речи наделенных властью людей. Таким образом, исследование «подтекста» может, с одной стороны, представлять интерес для исследователей неориторики, семантики и семиотики, а с другой стороны – обладать лингводидактическим потенциалом, становясь материалом для изучения стилистики английского языка методом «от противного».

Ключевые слова: подтекст, политический дискурс, политическая коммуникативистика, манипулятивные стратегии

© Александрова О.В., Мухортов Д.С., 2022

Для цитирования: Александрова О.В., Мухортов Д.С. О некоторых разновидностях подтекста в современном политическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 415–424. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

Featuring subtext in contemporary political discourse

Ol'ga V. Aleksandrova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ovaleksandrova@gmail.com*

Denis S. Mukhortov

MGIMO University, Moscow, Russia, dennismoukhortov@mail.ru

Abstract. The article discusses the pragmalinguistic phenomenon ‘subtext’ in today’s political discourse. It seeks to review a number of examples that demonstrate semantic, syntactic and pragmatic aspects of the “linguistics of lies”, or more precisely, accentuate the distinction between conventional and communicative implicatures. The varieties of subtext refer either to euphemization processes and inflated meanings, or to stealth persuasion strategies resting on the use of jargon and bureaucratese. In most analyzed cases of the first cluster, there is an abundance of words with a positive connotation, but with vague subject semantics, which often helps the politician distract the audience from the actual meaning of things. The second cluster of examples highlights the problem of bad style on the part of a person endowed with power. Subtext studies may thus, on the one hand, be of interest to researchers of neo-rhetoric, semantics, and semiotics, and, on the other hand, to instructors and learners of English stylistics.

Keywords: subtext, political discourse, political communication studies, manipulative strategies

For citation: Aleksandrova, O.V. and Mukhortov, D.S. (2022), “Featuring subtext in contemporary political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 415–424, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

Особым предметом исследования политической речи, устной или письменной, является выявление и анализ подтекста или, точнее, скрытых манипулятивных стратегий. В своих работах по данной тематике американский филолог Вильям Лац (см. [Lutz

1988, 1989, 1996]) предлагает именовать «подтекст» не менее емким английским словом *doublespeak*. Анализ предложенных В. Лацем разновидностей подтекста позволяет определить объем понятия «подтекст» и выявить его функциональные характеристики.

Помимо метафоры, основным действующим элементом в этом случае является эвфемизм. Говорящий использует его, чтобы ввести аудиторию в заблуждение или обмануть ее. Политическая речь изобилует подобными примерами.

Так, одним из излюбленных оборотов в риторике западных милитаристов стало появившееся (по данным Merriem-Webster Dictionary¹) в 1947 г. выражение ‘collateral damage’ (дословно «сопутствующий ущерб»), а в переводе на общеразговорный язык – «убийство мирных граждан в ходе военных операций». Дата появления данного выражения указывает на то, что после окончания Второй мировой войны в странах Запада наметилась тенденция к поиску «политкорректных» выражений для обозначения фактов действительности, которые в случае наименования их неэвфемистичным образом могли бы вызвать негативную реакцию у читателя или слушателя.

Другим примером является слово ‘humanitarian’, которое также длительное время находится в обиходе американских и европейских политиков, особенно тогда, когда речь идет о военных операциях западных сил с целью свержения непокорных правительств или президентов. Принимая в расчет тот факт, что слушатель привык воспринимать это слово в позитивном контексте в таких словосочетаниях, как ‘humanitarian aid’, ‘humanitarian assistance’, ‘humanitarian action’, ‘humanitarian initiative’ или ‘humanitarian law’, ведомые прагматическими интересами политики порождают оксюмороны подобные выражениям ‘humanitarian intervention’ или ‘humanitarian relief operations’.

Разновидностью подтекста становится появление в речи «раздутого языка» (“inflated language”). По меткому выражению Вильяма Лаца, содержание «раздувается» тогда, когда обычному хотят придать окраску необычного, из простого – сделать сложное, из повседневной ситуации – породить сенсацию.

Так, вместо того чтобы сказать «Америка напала первой», говорится о том, что была совершена “pre-emptive counterattack”, вместо того, чтобы признать, что войска попали в засаду, появляется оборот “[the troops] engaged the enemy on all sides”, а когда нужно сообщить об отступлении американских войск, говорится о “backloading of augmentation personnel” [Lutz 1989; Minin-White 2017].

¹ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/collateral%20damage>. Лексема “collateral damage” (дата обращения 23 марта 2022).

Целью использования подобного языка является желание скрыть от слушателя информацию, обнародование которой принесло бы говорящему репутационные потери.

Подтекст данного типа можно рассматривать сквозь призму теории хеджирования, т. е.

...приема речевого страхования или речевой осторожности, направленного на завуалированное воздействие на массовое сознание путем намеренного ухода от использования прямо номинативных средств вербализации [Осипов 2013, с. 15].

Ко второй разновидности подтекста, среди прочего, относится использование жаргона, который вопреки своим конвенциональным функциям – служить коммуникативным целям узкого сообщества специалистов – призван отвлекать слушателя от главного, сбивать его с толку, погружать в бафос.

Так, в американской политике существует целый ряд слов и выражений, которые для непосвященного в перипетии взаимоотношений политиков и бизнесменов слушателя окажутся малопонятной, следовательно, незначимой информацией. Именно этой цели и добиваются выступающие с трибун политические деятели.

В качестве примера можно привести ситуацию с принятием в 2005 г. законопроекта под названием ‘REAL ID Act’ [Longley 2021]. Выступавшие за него сенаторы инициировали создание государственного реестра персональных данных. До этого момента американское общество выступало против этого. От каждого штата теперь требовалось выдавать водительские права «нового поколения», а федеральным агентствам отныне запрещалось принимать, например при посадке в самолет, удостоверения личности, которые не соответствовали самым минимальным стандартам, устанавливаемым данным законом.

Поддержка сенаторов у данного законопроекта была настолько незначительной, что его даже не хотели ставить на голосование. Но лоббирующие его группы все равно добились своего. Автор законопроекта, член палаты представителей Джеймс Сенсенбреннер из Висконсина, предложил его принять вкупе с законопроектом, против которого не осмелился бы проголосовать ни один политик после событий 11 сентября 2001 г., а именно «Законом о чрезвычайных ситуациях, дополнительных ассигнованиях на оборону, глобальную войну против терроризма и помощь при цунами». Данный законопроект выделял деньги на содержание войск и финансирование войны с терроризмом. В итоге законопроект о военных расходах в качестве приложения к REAL ID Act был принят в Палате представителей 368 голосами «за» (с 58-ю голосами

«против»), а в Сенате – просто единогласно. 11 мая 2005 г. закон был подписан президентом Бушем.

Как видно из этого примера, если необходимо, чтобы парламентарии одобрили какой-то законопроект, связанный с выделением крупных средств, то его присовокупляют к другому законопроекту, и во избежание задержек финансирования якобы важных государственных программ, он принимается.

Подобные законопроекты получили название “rider bills” (см. [Longley 2021]), или «законопроекты-всадники». Их разновидностью являются “Christmas tree bills”, или законопроекты, в которые вносится целый ряд поправок, зачастую не связанных между собой. Таким образом, принимаемый законопроект оказывается своего рода новогодней елкой, а украшениями к ней становятся поправки, которые любой конгрессмен может «повесить» в угоду интересам «обслуживаемых» им бизнесменов, военных или политиков.

Считается, что этот термин был придуман в 1956 г. сенатором-демократом от штата Нью-Мексико Клинтоном Андерсоном, который на просьбу корреспондента журнала “Time” прокомментировать законопроект о сельском хозяйстве, в который было внесено более ста поправок, сказал: «Этот законопроект все больше и больше похож на новогоднюю елку; под ним есть что-то почти для каждого».

Ко второй разновидности «подтекста» также можно отнести речи политиков, изобилующие идеологемами типа ‘democracy’, ‘freedom’, ‘human rights’, ‘equality’, ‘values’. Эти примеры идеологической полисемии (подробнее см. [Мухортов 2014; Alexandrova, Mukhortov 2020]) можно, образно говоря, назвать «мантрами», появление которых в речи политика призвано убаюкать сознание слушателя или, точнее, избирателя и, как следствие, помешать ему задуматься о реальном положении дел в стране и мире. Как справедливо однажды было подмечено,

...эффективные политики умело используют... «риторику идентификации», когда широкой публике предъявляются не образцы классической ораторской речи, а «мозаичные коллажи» с эмоциональными лозунгами, патриотическим пафосом, ничем не подкрепленным оптимизмом [Стрелец 2020, с. 108].

Изобилие слов с позитивной коннотацией, но с неясно выраженной предметной семантикой «придает тексту бóльшую аргументативность и, как следствие, высокую степень воздействия на реципиентов и возможность манипулирования ими в нужном политическом направлении» [Андрюхина 2019, с. 75]. В данном случае – оправдания своего «неискреннего дискурса» [Андрюхина 2019].

К *третьей* разновидности подтекста, по мнению В. Лаца, относится манера изъясняться высокопарным, а зачастую замысловатым языком для того, чтобы аудитория не сразу поняла, о чем идет речь, быстро потеряла интерес к предмету разговора. Такой стиль общения называется ‘officialese’, ‘bureaucratese’, ‘governmentese’ (см. напр., [Beatty 1982]).

Появление бюрократичного слога в речи политика, по утверждению одного из спичрайтеров, долгое время проработавшего в Конгрессе США [Moore 2018], может указывать на одно из трех.

Во-первых, сложный синтаксис, книжная лексика, упоминание цифр в ущерб известным правилам общепотребительного языка позволяют говорящему чувствовать себя комфортно, ему никто не будет докучать уточнениями, потому что знает, что любое уточнение окажется еще более громоздким по сравнению с произнесенным ранее; его информацию никто не будет оспаривать, поскольку она прозвучала так, что в ее нюансах потребуются разбираться, а у слушателей делать это нет ни времени, ни желания. Спичрайтеры таких политиков знают об этом и постоянно корректируют свой стиль письма, чтобы он соответствовал стилю речи их начальника, их непосредственного заказчика. Во-вторых, этот человек, скорее всего, высокомерен, поэтому считает, что это *аудитория* должна приспосабливаться к его стилю речи, а не *он* должен проявлять учтивость к аудитории. В-третьих, возможно, он незнаком с темой разговора, поэтому, чтобы прикрыть свое незнание, предпочитает понятным словам и выражениям язык запутанный, бюрократический.

Следует отметить, что в 2009–2010 гг. в Британском парламенте была образована рабочая группа, которой было поручено проанализировать речи представителей Палаты общин на предмет выявления и дальнейшего исправления многочисленных стилистических ошибок. К проекту был привлечен известный британский филолог Дэвид Кристал. Одним из выводов было указание на то, что язык подобного рода отдаляет избирателя от своих депутатов, в округах забирает голоса в пользу противников, а политик со временем забывает о том, что он по определению должен уметь говорить с народом на понятном языке². Приведем три примера из аналитической записки экспертов по стилистике, которые вызвали серьезную критику.

² Bad Language: The Use and Abuse of Official Language. House of Commons Public Administration Select Committee. First Report of Session 2009-10. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmpubadm/17/17.pdf> (дата обращения 23 марта 2022).

Letter from the Minister of State for Care Services to Roger Gale MP:

Pacesetters aims to tackle inequalities in health services and in the workplace arising out of discrimination and disadvantage. The programme is founded on a robust evidence base and evaluation strategy. Its projects are developed through co-design with communities and delivered through a service improvement methodology... We anticipate that most interventions worked on will be for a period of one year – after which successful innovations will be mainstreamed into the work of the trusts and spread nationally. This will ensure long-term sustainability of equality and diversity into core business.

House of Commons business plan for 2008/09: FY 2008/09:

objectives:...To ensure a risk management system is embedded within business processes, allowing for risks to be escalated up and down the organisation as necessary.

Cabinet Office annual report and accounts, 2008–2009:

Savings on the core grant-in-aid delivering the Change-Up programme, against the counterfactual of an inflationary increase and re-prioritisation of the OTS budget to fund a wider range of investment programmes from the 2007–08 baseline amount to around £4.8m realised in 2008–09. Capacitybuilders is now delivering further third sector funding streams in order to rationalise delivery and to take advantage of existing funding mechanisms.

Подвидом политического дискурса, в котором активно реализуются перечисленные типы подтекста, является дискурс дипломатический. По своей функциональной сути он, возможно, представляет собой его наиболее эвфемистичную разновидность.

Выдающийся дипломат и ученый Виктор Иванович Попов определяет дипломатию как «умение высказ[ыв]ать самые отвратительные вещи в приятных выражениях». В качестве показательных примеров В.И. Попов приводит следующие «силлогистические» уречения: «правительство считает необходимым сохранить за собой право...» означает «правительство не позволит...»; «в таком случае правительство будет вынуждено пересмотреть свою позицию...» может означать «дружба в любой момент превращается во вражду...»; «действия (правительства) будут рассматриваться как недружелюбный акт» означает возникновение угрозы войны [Попов 2003, с. 433].

Целью дипломатического дискурса прежде всего является создание общественного мнения и определенного настроения в обществе. Для дипломатического переговорного процесса большое

значение имеет обстановка спокойствия и принятия взвешенных решений, сохраняя при этом свое лицо в целях избежания обострения обстановки [Александрова, Стрелец 2021].

Учитывая происходящие сегодня изменения в международных отношениях, без преувеличения можно сказать, что политический дискурс занимает важное место в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики и изучение подтекста как значимого, а в некоторых отношениях основного явления политической коммуникативистики, требует от филологов разработки как новых методов семантического анализа, так и эффективных методов междисциплинарного исследования.

Литература

- Александрова, Стрелец 2021 – Александрова О.В., Стрелец И.Э. Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 44. № 1. С. 413–420.
- Андрюхина 2019 – Андрюхина Н.В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2019. 229 с.
- Мухортов 2014 – Мухортов Д.С. Манипулятивный потенциал идеологической полисемии в современном политическом дискурсе // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 авг. 2014). Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2014. С. 68–76.
- Осипов 2013 – Осипов Г.А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 23 с.
- Попов 2003 – Попов В.И. Современная дипломатия: Теория и практика. М.: Междунар. отношения, 2003. 572 с.
- Стрелец 2020 – Стрелец И.Э. Лингвостилистические особенности коммуникативного поведения Д. Трампа в кризисный период 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 100–114.
- Alexandrova, Mukhortov 2020 – Alexandrova O., Mukhortov D. Political discourse within cognitive pragmatic studies of the language // Problémy interakce jazyka, literatury a kultury: nové směry výzkumu [Problems of Language, Literature and Culture Interaction: New Trends of the Research]. Kolektivní monografie / Pod obecným vedením Olgy Višňakové. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2020. S. 199–219.
- Beatty 1982 – Beatty R. Windyfogger and Bureaucratise // Rhetoric Society Quarterly. 1982. Vol. 12. № 4. P. 261–269 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/3885166> (дата обращения 23 марта 2022).
- Longley 2021 – Longley R. Overview of Rider Bills in Government: Rider Bills are Often Stealth Legislation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thoughtco>.

- com/rider-bills-in-the-us-congress-stealth-legislation-4090449 (дата обращения 23 марта 2022).
- Lutz 1988 – Lutz W. Fourteen Years of Doublespeak // The English Journal. 1988. Vol. 77. № 30. P. 40–42.
- Lutz 1989 – Lutz W. Doublespeak: From “revenue enhancement” to “terminal living”: How government, business, advertisers, and others use language to deceive you. New York: Harper & Row, 1989. 290 p.
- Lutz 1996 – Lutz W. The new doublespeak: Why no one knows what anyone’s saying anymore. New York, NY: Harper Perennial, 1996. 244 p.
- Minin-White 2017 – Minin-White D. Political Speech, Doublespeak, and Critical-Thinking Skills in American Education // School of Education Student Capstone Projects. 83 [Электронный ресурс]. URL: https://digitalcommons.hamline.edu/hse_cp/83 (дата обращения 23 марта 2022).
- Moore 2018 – Moore J. Why do politicians usually bureaucratese in their speech? Is the language barrier somehow necessary? // Quora, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/Why-do-politicians-usually-bureaucratese-their-speech-Is-the-language-barrier-somehow-necessary> (дата обращения 23 марта 2022).

References

- Aleksandrova, O.V. and Strelets, I.E. (2021), “The place and role of diplomatic discourse in modern discursive studies”, *Cognitive Studies of Language*, no. 1, vol. 44, pp. 413–420.
- Alexandrova, O. and Mukhortov, D. (2020), “Political discourse within cognitive pragmatic studies of the language”, in Višňáková, O. (ed.), *Problémy interakce jazyka, literatury a kultury: nové směry výzkumu* [Problems of Language, Literature and Culture Interaction: New Trends of the Research], Západočeská univerzita v Plzni, Plzeň, Česká republika, pp. 199–219.
- Andryukhina, N.V. (2019), *Insincere discourse in English-language political texts*, Ph.D. Thesis, Samara, Russia.
- Beatty, R. (1982), “Windyfoggery and Bureaucratese”, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 12, no. 4, pp. 261–69, available at: <http://www.jstor.org/stable/3885166> (Accessed 23 March 2022).
- Longley, R. (2021), *Overview of Rider Bills in Government: Rider Bills are Often Stealth Legislation*, available at: <https://www.thoughtco.com/rider-bills-in-the-us-congress-stealth-legislation-4090449> (Accessed 23 March 2022).
- Lutz, W. (1988), “Fourteen Years of Doublespeak”, *The English Journal*, vol. 77, no. 30, pp. 40–42.
- Lutz, W. (1989), *Doublespeak: From “revenue enhancement” to “terminal living”: How government, business, advertisers, and others use language to deceive you*, Harper & Row, New York, USA.
- Lutz, W. (1996), *The new doublespeak: Why no one knows what anyone’s saying anymore*. Harper Perennial, New York, USA.

- Minin-White, D. (2017), "Political Speech, Doublespeak, and Critical-Thinking Skills in American Education", *School of Education Student Capstone Projects*. 83, available at: https://digitalcommons.hamline.edu/hse_cp/83 (Accessed 23 March 2022).
- Moore, J. (2018), "Why do politicians usually bureaucrate in their speech? Is the language barrier somehow necessary?", available at: <https://www.quora.com/Why-do-politicians-usually-bureaucrate-their-speech-Is-the-language-barrier-somehow-necessary> (Accessed 23 March 2022).
- Mukhortov, D.S. (2014), "Manipulative potential of ideological polysemy in modern political discourse", *Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom dis-kurse: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Persuasion and proof in contemporary political discourse: Proceedings of the Intern. scientific conf.], 26–28 August 2014, Ekaterinburg, Russia, pp. 68–76.
- Osipov, G.A. (2013), *Hedging as a cognitive-pragmatic method of suggestion in political discourse*, Abstract of Ph.D. dissertation, Maikop, Russia.
- Popov, V.I. (2003), *Sovremennaya diplomatiya. Teoriya i praktika* [Diplomacy Today. Theory and Practice], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Strelets, I.E. (2020), "Linguistic and stylistic features of D. Trump's communicative behavior during the crisis period of 2020", *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, no. 6, pp. 100–114.

Информация об авторах

Ольга В. Александрова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 53; ovaleksandrova@gmail.com

Денис С. Мухортов, кандидат филологических наук, доцент, МГИМО (Университет) МИД РФ, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; dennismoukhortov@mail.ru

Information about the authors

Ol'ga V. Aleksandrova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1/53, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; ovaleksandrova@gmail.com

Denis S. Mukhortov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454; dennismoukhortov@mail.ru